

ВЕСЬ

ГЕНРИ ХАГГАРД

Генри Райдер Хаггард — английский писатель, юрист и специалист по агрономии и почвоведению; классик мировой приключенческой литературы, наряду с Артуром Конан Дойлем считается основоположником жанра «затерянные миры». Принимал участие в сельскохозяйственной реформе Британской империи. Рыцарь-Командор ордена Британской империи .

Его произведения, написанные в конце викторианской эпохи, пользуются популярностью и по сей день.

Весь Генри Хаггард

Суд фараонов

Глава I

Ученые, — или, по крайней мере, некоторые из них, так как не все ученые единомысленны, — убеждены, будто они знают все, что следует знать о человеке, включая, разумеется, и женщину. Они проследили его происхождение, показали нам, как изменились его кости и форма тела, как под влиянием потребностей и страстей постепенно развивался его ум, вначале стоявший на очень низкой ступени. И в заключение они наглядно доказали, что в человеке нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить на анатомическом столе, что его упования на загробную жизнь коренятся в страхе смерти или, как говорят другие, в боязни грозы и землетрясения; что его связь с прошлым — просто-напросто унаследованная память о дальних предках, живших в этом прошлом, может быть, миллионы лет назад, и все, что есть в нем благородного, только лак, нанесенный на него цивилизацией, а все дурное и низкое должно быть приписано заложенным в нем первобытным инстинктам. Одним словом, по мнению ученых,

человек — животное, которое, как и все прочие, всецело зависит от той среды, где он живет, и даже окраску свою принимает от нее. Это — факты, говорят ученые (или, по крайней мере, некоторые из них), а остальное — ерунда.

Временами мы склонны соглашаться с этими мудрецами, особенно после того, как прослушаем у кого-нибудь из них курс лекций. А затем может случиться, что виденное или испытанное лично нами заставит нас снова задуматься и пробудит в нас прежние сомнения, божественные сомнения, и с ними еще более сладкую надежду на то, что, кроме этой, есть иная жизнь.

А вдруг, думается нам, человек все-таки больше, чем животное? А может быть, он помнит самое отдаленное прошлое и способен заглядывать в будущее, не менее далекое? Может быть, это не мечта, а правда, и он действительно обладает бессмертной душой, способной проявиться в той или иной форме; и душа эта может спать века, но, несмотря на то, спит она или бодрствует, она остается сама собой, неизменной и неразрушимой.

Один случай из жизни мистера Джеймса Эбenezера Смита мог бы многих навести на такие размышления, будь этот случай им знаком во всех подробностях, чего, однако, насколько мне известно, не произошло. Ибо мистер Смит был из тех людей, которые умеют молчать. И все же,

несомненно, случай этот заставил крепко призадуматься одного человека — именно того, с кем он приключился. Джеймс Эбenezер Смит и до сих пор все думает о нем и не может себе толком объяснить его.

Дж. Э. Смит родился в почтенной семье и получил хорошее воспитание. Он был недурен собой и в колледже считался подающим надежды юношей, но, прежде чем он получил диплом, с ним случилась неприятность, о которой здесь незачем распространяться, и он был выброшен, так сказать, на мостовую, без друзей и без гроша в кармане. То есть нельзя сказать, чтобы уж вовсе без друзей, так как у него был крестный, коммерсант, в честь которого его и называли Эбenezером. К нему-то и обратился Смит, чувствуя, что тот обязан как-нибудь вознаградить его за то ужасное имя, которым его наделили при крещении.

До известной степени Эбenezер-старший признавал это обстоятельство. Никакого геройского подвига он не совершил, но все же нашел своему крестнику местечко клерка в банке, где был одним из директоров, — скромное место писца, не более. И еще, когда год спустя он умер, крестнику осталось от него сто фунтов, как говорится, на траурное кольцо.

Смит, человек практичный, вместо того чтобы купить это кольцо, совсем ему не нужное, вложил

сто фунтов в рискованную, но многообещающую биржевую спекуляцию. Случилось так, что действия его были верны — он не прогадал и вместо одного таланта получил обратно десять. Он повторил опыт, и опять-таки успешно, так как по своему положению он мог иметь сведения из первоисточника. К тридцати годам Смит оказался обладателем целого состояния в двадцать пять с лишним тысяч фунтов. И тогда (это свидетельствует о том, каким он был умным и практичным человеком) перестал спекулировать, поместив свои деньги так, чтоб они давали ему, при полной безопасности капитала, верных четыре процента годовых.

К этому времени Смит уже значительно преуспел на службе, правда он и сейчас оставался клерком, но уже с жалованьем в четыреста фунтов в год и с надеждами на повышение оклада. Короче говоря, положение его было таково, что он мог бы и жениться, если бы только пожелал. Но случилось так, что он не захотел — может быть, потому, что, за неимением друзей и знакомств, не встретил на своем жизненном пути ни одной женщины, которая бы ему понравилась, а может быть, и по другой причине.

Застенчивый и сдержанный, он не доверял людям и никому о себе не рассказывал. Никто, даже его начальство в банке, не подозревали, что он

человек со средствами; никто у него не бывал — знали только, что он живет где-то возле Путной; он не был членом ни одного клуба и не имел ни одного близкого приятеля. Удар, нанесенный ему жизнью в ранней юности, грубое обращение и щелчки, испытанные им однажды, так глубоко запали в его чувствительную душу, что он никогда уже больше не искал близости с себе подобными. Еще молодой годами, он, в сущности, жил совсем, как старый холостяк.

Вскоре, однако, Смит заметил, — это было после того, как он перестал играть на бирже, — что так, как он живет, жить скучно, что надо найти применение своим способностям. Он попробовал было заняться благотворительностью, но убедился, что человек с чувствительной душой не годится для предприятия, которое чаще всего сводится к самому бесцеремонному вмешательству в чужие дела. Поэтому, хоть и не без борьбы, он бросил это занятие, успокоив свою совесть тем, что передал часть своего капитала, и не малую, на благотворительные цели и на раздачу бедным, нуждающимся в помощи, пожелав остаться неизвестным.

Все еще не зная, куда приткнуться себя, Смит однажды, после закрытия банка, зашел в Британский музей, не столько ради самого музея, сколько для того, чтобы укрыться от дождя. Бродя

наугад по залам, он очутился в огромной галерее, отведенной египетской живописи и скульптуре. В первый момент он был изумлен и озадачен, так как понятия не имел о египтологии; ему стало даже немного жутко. Наверное, это был великий народ, подумал он, если сумел создать такие грандиозные произведения. И с этой мыслью у него появилось желание ближе познакомиться с египетским народом, больше узнать о нем. Он уже собирался уходить, когда взгляд его случайно остановился на гипсовом слепке головки женщины, висевшем на стене.

Смит посмотрел на нее в другой раз, в третий, и с третьего взгляда влюбился. Нечего и говорить, что сам он не подозревал об этом. Он знал только, что с ним произошла какая-то перемена, и он не мог забыть лица случайно виденной гипсовой головки. Пожалуй, оно даже и не было по-настоящему красиво, за исключением удивительной мистической улыбки; пожалуй, и губы были слишком толсты, а ноздри чересчур раздуты. Но для него это лицо было сама Красота — красота, которая притягивала его к себе как магнит и будила удивительные фантазии, порой такие странные и нежные, какими бывают только воспоминания. Он, не отрываясь, смотрел на каменную маску, которая нежно улыбалась ему в ответ. Более тридцати столетий улыбалась маска небытию в какой-нибудь

гробнице или потайной нише, как когда-то улыбалась миру женщина, портретом которой она была.

В галерею вкатился шариком коротенький, толстый господин и властным тоном начал отдавать приказы рабочим, снимавшим с пьедестала соседнюю статую. Смиту пришло на ум, что этому господину тут должно быть все известно. С усилием победив свою врожденную застенчивость, он приподнял шляпу и обратился к нему с вопросом, не может ли тот сказать, с кого снята эта гипсовая маска.

Толстый господин, — как оказалось потом, заведующий музеем, — взглянул на Смита и, убедившись, что он непритворно заинтересован, ответил:

— Не знаю. И никто не знает. У нее есть несколько имен, но в подлинности их я не уверен. Может быть, когда-нибудь найдут туловище этой статуи — тогда мы узнаем, конечно, если под ней есть надпись. Всего вероятнее, однако, что оно давным-давно пошло на известку.

— Так что вы ничего не можете мне сообщить о ней?

— Весьма немного. Прежде всего, это копия. Оригинал находится в Каирском музее. Головку эту, если не ошибаюсь, нашел Мариетт и назвал ее по-своему. По всей вероятности, обладательница ее

была царицей восемнадцатой династии, судя по работе. Вы сами видите — о царственном сани ее достаточно свидетельствует сломанный уреус. Поезжайте в Египет, если хотите изучить этот маленький шедевр в оригинале. Чудесная вещь — одна из самых красивых головок, какие были найдены в Египте. Ну, мне пора. Прощайте.

И он мелкими шажками побежал по длинной галерее.

Смит не знал, что такое уреус¹, но не решился задержать заведующего расспросами. Он поднялся на второй этаж и начал разглядывать мумии и украшения. Ему как-то обидно было думать, что обладательница этой прелестной, манящей к себе головки давным-давно, еще до наступления христианской веры, была уже мумией.

Он вернулся в скульптурную галерею и любовался гипсовой головкой до тех пор, пока один из рабочих не сказал товарищу, что не мешало бы этому господину для разнообразия посмотреть на живую женщину.

Смит сконфузился и ушел.

По пути домой он зашел в книжный магазин и велел прислать все лучшее, что написано о Египте. Когда два дня спустя в комнату его внесли

---

¹ Корона из золотых змей, надевавшаяся царями древнего Египта.

огромный ящик и с ним счет на тридцать восемь фунтов, он был несколько раздосадован. Однако добросовестно прочел все эти книги и за три месяца весьма недурно изучил древний Египет и даже стал немного разбираться в иероглифах.

В январе, то есть на исходе этих трех месяцев, Смит удивил дирекцию прошением об отпуске на два с половиной месяца — до сих пор он довольствовался двумя неделями отдыха в год. На их расспросы он ответил, что у него запущенный бронхит и что доктора советуют ему пожить в Египте.

— Превосходный совет, — сказал директор, — но я боюсь, что это будет вам не по карману. Там, в Египте, человека норвят ободрать как липку.

— Я знаю, — был ответ, — но у меня есть кое-какие сбережения, а мне ведь, кроме себя, тратить больше не на кого.

Таким образом, Смит попал в Египет и увидел оригинал восхитившей его головки и тысячу других, не менее очаровательных. Но этим он не ограничился. Присоединившись к группе египтологов, производивших раскопки вблизи древних Фив, — те, разумеется, только обрадовались участию интеллигента, — он целый месяц вместе с ними усердно копал, но ничего особенно не нашел.

Лишь года два спустя он сделал свое великое открытие, известное под именем гробницы Смита. Здесь нужно заметить, что состояние его здоровья настолько ухудшилось, что требовало ежегодных поездок в Египет, так, по крайней мере, полагали директора банка. А так как Смит не требовал летнего отпуска и всегда готов был поработать за товарища или сверхурочно, то в отпуске ему не отказывали, и каждую зиму он отправлялся на восток.

В эту третью свою поездку в Египет Смит добился от директора музея древностей в Каире разрешения производить раскопки на свой страх и риск за свой счет. Разрешение это было дано на обычных условиях, а именно: что отдел древностей вправе будет взять из найденных им предметов любые, а при желании — и все.

Устроив все это, Смит провел несколько дней в Каирском музее и ночным поездом выехал в Люксор, где его уже дожидался подрядчик, бывший переводчик Магомет, с нанятыми им рабочими — феллахами. Их было всего сорок человек, так как раскопки предполагалось вести в ограниченном масштабе. Смит ассигновал на эту затею не более трехсот фунтов, а на эти деньги в Египте не разгуляешься.

В прошлый свой приезд Смит уже наметил место для раскопок — дикое, запущенное кладбище

близ храма Медянет — Хабу, известное под именем Долины Цариц в старых Фивах. Здесь, отдаленные от усыпальниц их царственных супругов промежуточным холмом, были преданы земле несколько величайших цариц Египта: их-то могилы и хотелось обследовать Смигу. Он знал, что некоторые из них еще не открыты. Говорят, счастье благоприятствует смелому. Кто знает? Может быть, ему и посчастливится найти могилу неведомой красавицы-царицы, лицо которой неотступно стояло перед ним уже три года.

Около месяца его рабочие копали, ничего не находя. Выбранное Смитом место действительно оказалось входом в гробницу. Но это выяснилось лишь через двадцать пять дней. Войдя в пещеру, Смит был разочарован. Или царица, найдя себе здесь успокоение, умерла очень молодой, и ее не постеснялись похоронить где попало; или же это только преддверие, а не сама гробница, или, наконец, стены оказались непригодными для скульптурных изображений, какие обыкновенно находят в египетских усыпальницах.

Смит все-таки решил продолжать раскопки, роя пробные ямы и траншеи в различных местах, но по-прежнему ничего не находя. Две трети времени и денег, которыми он располагал, были уже затрачены напрасно, прежде чем счастье улыбнулось ему.

Однажды, под вечер, возвращаясь домой после бесплодно проведенного рабочего дня, он заметил небольшую впадину, или пещеру на склоне холма, полузасыпанную камнем и песком. Такие пещеры здесь встречались на каждом шагу, и эта не сулила ничего большего, чем другие, уже исследованные. Однако почему-то именно эта пещера привлекла внимание Смита. Он уныло прошел мимо нее, но потом вернулся.

— Вы куда, сэръ? — спросил Магомет.

Смит указал рукой на пещеру.

— Напрасно, сэръ. Здесь нет гробницы. Эта пещера расположена слишком близко к вершине. И воды в ней очень много, а мертвые царицы любят лежать на сухом месте.

Но Смит все-таки пошел, и рабочие покорно побрели за ним.

Он исследовал утес. На камне не было следов какого бы то ни было орудия. Рабочие уже повернулись, чтобы уйти, но Смит, повинувшись тому же странному инстинкту, который привел его к этому месту, взял у одного из них лопату и начал раскапывать песок, прикрывавший каменную основу утеса, ибо здесь почему-то не было ни валунов, ни мусора, как в других местах. Видя, что хозяин сам взялся за работу, феллахи тоже стали копать и минут двадцать, если не больше, усердно отбрасывали лопатами песок, больше в угоду ему,

так как все были уверены, что могилы здесь быть не может. Когда они дорылись до глубины шести футов, а камень имел все тот же девственный, нетронутый вид, Смит, наконец, сам велел им бросить работу.

С возгласом досады, в последний раз вонзил он заступ в песок и вдруг наткнулся на что-то твердое. Смит разгреб песок — обнаружился округленный край чего-то, по-видимому, карниза. Он позвал уже уходивших рабочих, молча указал им на выступ, и они, также молча, снова принялись за работу. Через пять минут уже было ясно, что это действительно карниз, а через полчаса откопали и верхнюю часть двери, ведущей в гробницу.

— Старые люди ее закладывали, — молвил Магомет, указывая на плоские камни, которыми была заложена дверь, скрепленные илом вместо извести, и на смутный отпечаток на засохшем иле изображений священных скарабеев на печатях чиновников, в обязанности которых входило опечатывать места последнего успокоения царственных особ.

— Может быть, там царица и не тронута, — продолжал он, не получив ответа на свои слова.

— Может быть, — коротко молвил Смит. — А ты копей-ка лучше. Не трать времени на разговоры.

И снова все усердно принялись за работу, пока не наткнулись на нечто такое, от чего Смит

застонал. В каменной кладке, прикрывшей дверь, оказалось дыра — покой гробницы был нарушен. Магомет тоже увидел это и опытным глазом исследовал верхушку отверстия.

— Вор очень давний, — решил он. — Смотри. Хотел опять выстроить стену, но убежал, не окончив работу. — Он указал на несколько плоских камней, кое-как положенных обратно на место и не скрепленных цементом.

— Копай, копай, — приказал Смит.

Десять минут спустя отверстие показалось полностью. Оно было едва достаточно, чтобы человек мог пролезть в него.

Солнце садилось быстро, словно катилось вниз по небу. Еще минуту назад оно было позади копающих, над крутыми гребнями западных холмов, а теперь уже собиралось скрыться за их вершинами. А еще через минуту скрылось. И только одно мгновение зеленая искорка горела на том месте, где только что было солнце. Потом и она погасла, и на землю разом спустилась египетская ночь. Феллахи о чем-то перешептывались между собой; двое под каким-то предлогом ушли; остальные сложили свой инструмент и повернулись к Смигу, вопросительно глядя на него.

— Люди говорят, что не хотят дольше здесь оставаться. Боятся привидений. В этих гробницах живут ифриты — злые духи. Завтра, когда будет

светло, рабочие придут закончить работу. Глупые, известно, что же спрашивать с простых феллахов, — с сознанием своего превосходства заключил Магомет.

— Конечно, — сказал Смит, знавший, что никакими деньгами не заставишь египтян после заката солнца раскапывать могилы. — Отпусти их. А мы с тобой останемся и будем сторожить здесь до утра.

— Не могу, господин. Мне что-то нехорошо. Должно быть, лихорадку схватил. Пойду в лагерь — надо будет хорошенько укрыться на ночь.

— Хорошо. Ступай, но если среди вас найдется храбрец, пусть он принесет мне мое теплое пальто, чего-нибудь поесть и вина, да еще фонарь, который висит в моей палатке. Я буду ждать его здесь, в долине.

Магомет, хотя и не очень уверенно, пообещал все исполнить, одновременно пытаясь убедить Смита, чтобы он лучше шел вместе с ними, а то, чего доброго, его обидят ночью духи, но видя, что это ему не удастся, сам поспешил убраться подобру-поздорову.

Смит закурил трубку, уселся на песок и стал ждать. Через полчаса до него донеслось пение и сквозь густую тьму засветились огоньки в долине.

«Это мои храбрецы», — подумал он и пошел им навстречу.

Он не ошибся. Это были его рабочие — целых двадцать человек — в меньшем количестве они не решились предстать перед духами, по их мнению, бродящими ночью в этой долине. Когда свет фонаря, который нес один из рабочих, — не Магомет, тот, по его словам, так разнемогся, что не в силах был прийти, — озарил белую фигуру Смита, рабочий выронил фонарь, и с криком испугавшаяся доблестная компания обратилась в бегство.

— Сыны трусов! — рявкнул Смит им вдогонку на чистейшем арабском языке. — Это я, ваш господин, а не ифрит.

Услышав его голос, они не сразу, робея, но все же вернулись. И тут Смит заметил, что каждый из них что-нибудь нес, — это для того, чтобы оправдать то, что их много. У одного в руках был хлеб, у другого фонарь, у третьего коробка сардин, у четвертого консервный нож; у кого-то спички, бутылка пива. Двое бережно несли в руках пальто Смита, причем, один держал его рукава, а другой — полы.

— Положите все это, — приказал Смит. — А теперь удирайте, и живее. Если не ошибаюсь, я только что слышал беседу двух ифритов о том, что они сделают с последователями Пророка, осмелившимися издеваться над своими богами, если встретят их в этом священном месте ночью.

Этот дружеский совет был исполнен

мгновенно. Через минуту Смит остался один на один со звездами и готовым, наконец, успокоиться ветром пустыни.

Собрав свои пожитки или, по крайней мере, то, что могло пригодиться ему, он рассовал их по карманам и вернулся ко входу в могилу. Здесь он при свете фонаря поужинал и улегся, надеясь уснуть. Но уснуть не мог. Каждую минуту что-то будило его — то вой шакала между скал, то еще что-нибудь. Один раз песочная муха так больно укусила его в ногу, что он подумал, уж не скорпион ли это. Несмотря на теплое пальто, он чувствовал озноб, так как нижнее его платье и белье намокли от пота; он подумал, что так нетрудно простудиться или схватить злокачественную лихорадку, поднялся и начал ходить, чтобы согреться.

Тем временем взошла луна и озарила все детали этой странной унылой картины. Тайны Египта бередили душу Смита. Сколько когда-то живших царей и цариц похоронено в том холме, который он попирает ногами! И вправду ли лежат они в могиле или же бродят призраками по ночам, как говорят феллахи? Не могут найти себе успокоения и обходят страну, где некогда они владычествовали. Религия египтян учит, что Ка, или двойник наш, вечно бродит в тех местах, где погребено наше тело. И если вдуматься, то в этих суевериях отыщется нечто такое, во что трудно не

верить и христианину. Ведь верим же в Искусителя и в воскресение мертвых. И разве сам он, Смит, не написал брошюру о некотором сходстве с христианством религии древних египтян — брошюру, которую он собирается опубликовать под псевдонимом? Но об этом ему было как-то жутко думать в эту минуту — ведь как-никак он — осквернитель могил.

Его ум, или, вернее, его фантазия усиленно работала. Чего только не видели эти скалы? Ему казалось, что по дороге, которая, несомненно, скрыта под наносным песком, там, где он стоит, тянется процессия к темным дверям открытой им гробницы. Он отчетливо видел, как извивается погребальное шествие между скалами. Впереди жрецы, с бритыми головами; в леопардовых шкурах, или же в белоснежных одеждах, с мистическими символами своего звания. За ними — погребальная колесница, запряженная быками; на ней большой четырехугольный ящик и в нем два гроба, а внутри мумия царя или царицы; «ястреб, распростерший свои крылья и летящий в лоно Осириса», бога смерти. Позади плакальщицы, оглашающие воздух жалобными воплями. Дальше несут дары умершему — сосуды, утварь, драгоценности. Затем идут высшие сановники государства. За ними сестры царицы, ведущие за руку удивленных детей. За ними сыновья фараона,

несущие эмблемы своего царственного сана.

И, наконец, позади всех, сам фараон в парадном одеянии, в двойном венце с золотою змеею наверху, в тяжелых золотых браслетах и тяжелых, звенящих на ходу серьгах. Голова фараона поникла, поступь тяжела; кто знает, какие мысли бродят в его царственной голове? Быть может, скорбь об умершей царице? Но ведь у него есть другие жены и нет счета красивым наложницам. Бесспорно, она была кротка и прекрасна, но ведь красота и кротость даны в удел не ей одной. Да и так ли уж кротка была она, если позволяла себе иной раз перечить ему, царю, и сомневаться в божественности его велений? Нет, без сомнения, царь думает не только об умершей, для которой он велел выстроить эту пышную гробницу и принес щедрые дары, чтобы обеспечить ей милость. Он думает также о себе и о другой гробнице, по ту сторону холма, над которой уже много лет работают лучшие художники его страны, — о другом месте успокоения, куда сойдет и он, когда настанет его час, ибо перед Смертью все равны — и цари, и рабы.

Видение исчезло. Но оно было так реально, что Смит подумал: уж не задремал ли он на ходу. Однако сейчас он не спал и озяб ужасно. А неподалеку собралась уже целая стая шакалов. Что за наглость! Один даже не побоялся просунуть

морду в освещенный круг — тощий, желтый, — должно быть, почуял остатки ужина. А может быть, почуял его самого — человека. Да и не одни шакалы — в этих горах бродят подчас и разбойники, а он здесь один и безоружен. Не погасить ли фонарь? Это было бы благоразумнее, но Смит не хотелось быть благоразумным. При свете все-таки не так одиноко.

Убедившись, что уснуть ему не удастся, Смит решил согреться с помощью работы. Схватив заступ, он принялся копать у самых дверей гробницы. Шакалы от удивления завывали. К таким зрелищам они не привыкли. Сама луна, старая как мир, могла бы подтвердить, что, по крайней мере, уже больше тысячи лет еще ни один человек не осмелился вторгнуться в гробницу, тем более в такой необычный час.

Прошло минут двадцать. Смит усердно копал. Неожиданно заступ его со звоном ударился о что-то зарытое в песке: в безмолвии ночи звук раздался особенно громко.

«Должно быть, камень. Надо выкопать — пригодится против шакалов», — подумал Смит, осторожно стряхивая с заступа песок. Камень оказался небольшим — таким не испугаешь зверя. Однако Смит все-таки поднял его и потер в руках, чтоб очистить от приставшей пыли. И, приглядевшись, увидел, что это не камень, а бронза.

— Осирис, — решил Смит, — это его изображение, зарытое у входа в гробницу, для охраны ее от злых сил. Нет, наверное, это Исида. И то нет — это головка статуэтки, и, кажется, хорошая резьба, по крайней мере, при лунном свете так кажется. По-видимому, даже позолоченная бронза.

Он пошел за фонарем и навел его на найденный предмет. И вдруг вскрикнул от радостного изумления:

— Да ведь это та самая головка, что на маске! Ну да — та самая. Моя царица! Ей-Богу, она!

Он не мог ошибиться. Те же губы, немного даже полноватые; те же ноздри, тонкие, трепетные, красиво изогнутые, но слишком раздутые; те же брови дугой и мечтательные, широко расставленные глаза. А главное, та же пленительная и загадочная улыбка. Работа дивная — прямо шедевр. На этом шедевре был настоящий царский головной убор, концы которого свешивались на грудь. Статуэтка, благодаря позолоте, ничуть не заржавела и отлично сохранилась, но от нее осталась только голова, отбитая, по-видимому, одним ударом, так как линия была очень чистая.

Смит сразу сообразил, что статуэтка была украдена воров, принявшим ее за золотую, но по выходе из гробницы вора взяло сомнение и он разбил ее о камень. Остальное не трудно было

угадать. Убедившись, что это не золото, а золоченая бронза, вор не стал уносить ее, а разбил и бросил, по крайней мере, так объяснил себе это Смит. И объяснение это не совсем правильно, как будет видно из дальнейшего.

Первое, что решил сделать Смит, это разыскать туловище статуэтки. Он долго копал и шарил в песке, но безуспешно: остальных кусков он не нашел. И подумал, что вор, быть может, в сердцах, оставил туловище у себя, а голову бросил здесь. Смит еще раз внимательно осмотрел головку и на этот раз заметил, что на ней была дощечка с тонко вырезанной надписью.

К этому времени Смит уже наловчился разбирать иероглифы и без труда прочел: **«Ма-Ми. Великая государыня. Возлюбленная»**. В этом месте дощечка была переломлена.

«Ма-Ми. Никогда не слышал о такой царице. Должно быть, история не знает ее. Интересно, чья же она была возлюбленная. Амена, или Гора, или Исида — наверное, какого-нибудь божества».

Он, не отрываясь, смотрел на дивное изображение, как некогда смотрел на гипсовую головку в музее, и головка, воскресшая из пыли веков, улыбалась ему со стены. Только та головка была слепком, а эта — портретом красавицы, лежавшим на груди умершей, похороненной в этой самой гробнице.

Смит принял неожиданное решение. Он сейчас же исследует эту гробницу. Было бы святотатством пустить сюда прежде себя кого-нибудь другого. Он сначала сам посмотрит, что скрывается там, внутри.

Почему бы и не войти? Лампа у него хорошая, масла в ней достаточно — хватит на несколько часов. Если внутри и был скверный воздух, он успел выйти через расчищенное отверстие. Его как будто неотступно что-то звало войти и посмотреть. Он сунул бронзовую головку в карман жилета, так что она находилась как раз под сердцем, направил свет лампы сквозь отверстие, заглянул внутрь. По-видимому, влезть будет не трудно — песок лежал вровень с входным отверстием. Без труда он влез и пополз дальше, но ход был так узок, что он едва мог протиснуться между его дном и верхним покрытием. Дальше он был почти полностью заполнен грязью.

Магомет был прав в том, что могилу, высеченную в этой части скалы, непременно зальет водой. Ее и залило, очевидно, после какой-нибудь сильной грозы, и Смит уже начал бояться, что вода, смешавшись с песком, образовала непроходимую преграду. По-видимому, строители на это и рассчитывали — оттого-то они и оставили вход без всяких украшений — и даже нарочно вырыли дыру под дверью, чтобы дать возможность грязи

проникнуть внутрь. Однако же ошиблись в расчете. Естественный уровень грязи не дошел до покрытия могилы, и хотя с трудом, но все-таки можно было пролезть в нее.

Смит прополз шагов сорок или около того, как вдруг заметил, что он находится у подножия лестницы. Тогда план постройки стал ему ясен — сама могила находилась выше входа.

Здесь стены были уже расписаны. Все рисунки изображали царицу Ма-Ми в царском венце и в прозрачных одеждах, представляемую одному божеству за другим. Промежутки между фигурами царицы и божеств были заполнены иероглифами, такими четкими, как будто художник начертал их сегодня. С первого взгляда Смит убедился, что это все — цитаты из Книги Смерти. Вор, осквернивший гробницу, вторгся в нее, по всей вероятности, вскоре после погребения, — застывшая грязь, по которой ступал теперь Смит, была еще свежа и мягка, ибо на ней сохранились следы осквернителя и на стенах отпечатки его пальцев; а в одном месте — даже четкий отпечаток всей ладони; видны были не только очертания руки, но и линии.

Ряд ступеней вел к другому коридору, повыше первого, куда вода не дошла; с правой и с левой стороны коридора виднелись начатые и недоконченные покои. Царица, очевидно, умерла

молодой. Гробница, предназначенная для нее, не была даже закончена. Еще несколько шагов, и ход расширился — целый квадратный зал, шагов тридцать в длину. Потолок его весь был расписан коршунами с распростертыми крыльями; у каждого в когтях висел Крест Жизни. На одной стене была изображена ее величество Ма-Ми, стоявшая в ожидании, пока Анубис взвешивал ее сердце, положив его на одну чашу весов, в то время как на другой лежала Истина, и он записывал на табличках приговор. Здесь были приведены все ее титулы: «Великая Наследница царств, Сестра и Супруга царей, Царственная сестра, Царственная жена, Царственная мать, Повелительница двух стран, Пальмовая ветвь Любви, Красота необычайная».

Торопливо осматривая их, Смит заметил, что имя фараона, супругой которого была Ма-Ми, нигде не упоминается, как будто даже пропущено нарочно. На другой стене Ма-Ми, сопровождаемая своим Ка, или двойником, приносила дары различным богам или же говорила умиловительные речи безобразным демонам подземного мира, называя их по именам и заставляя их сказать: «Проходи. Ты чиста».

Наконец на последней стене, торжествующая после всех преодоленных испытаний, Ма-Ми, оправданная Осирисом, вступала в чертоги богов.

Все это Смит бегло оглядел, освещая

фонарем, который он то поднимал, то опускал. И, не закончив осмотр, заметил нечто, сильно раздосадовавшее его. На полу следующей комнаты, где стояли гробы, ибо первая была как бы преддверием к ней, лежала кучка обуглившихся предметов. Он мгновенно все понял. Сделав свое дело, вор сжег саркофаги, а с ними и мумию царицы. В этом не могло быть сомнений, так как среди пепла виднелись обуглившиеся человеческие кости, а потолок гробницы был закопчен и даже потрескался от огня. Значит, искать тут нечего — все уничтожено.

В спертom воздухе гробницы было трудно дышать. Устав от бессонной ночи и долгой работы, Смит присел на выступ скалы, или скамеечку, высеченную в стене, — по-видимому, для приношений усопшей, так как на ней еще валялись иссохшие цветы — и, поставив фонарь возле ног, долго сидел, глядя на обуглившиеся кости. Да, вон лежит нижняя челюсть и на ней сохранившиеся несколько зубов, мелкие, белые, правильной формы. Несомненно, Ма-Ми умерла молодой. Разочарование и святость места действовали ему на нервы — он не в силах был оставаться здесь дольше.

Фонарь раскачивался в его руках, он снова шел по расписанному живописью коридору. Ему не хотелось рассматривать стенную живопись — она

могла подождать до утра; разочарование было слишком тяжелым. Он спустился обратно по ступенькам и вдруг заметил торчавший из песка, покрывшего грязь, то ли угол красного ящика, то ли корзиночки. Он мигом разгреб песок — да, действительно, это была корзина — небольшая, длиной в фут, из тех, в которых древние египтяне приносили в гробницы фигурки, погребаемые вместе с усопшими. По-видимому, корзину обронили, так как она была опрокинута набок. Смит открыл ее без особых надежд, так как вряд ли бы ее здесь оставили, если б в ней заключалось что-либо ценное.

Первое, что бросилось ему в глаза, — это была рука мумии, сломанная в кисти, маленькая женская рука очаровательной формы. Она вся иссохла и побелела, как бумага, но контуры сохранились: длинные пальцы были тонки и изящны, а миндалевидные ногти покрашены красной краской, как это было в обычае у бальзамировщиков. На руке было два золотых кольца; из-за этих колец она и была украдена. Смит долго смотрел на нее, и сердце его часто билось, ибо это была рука женщины, о которой он мечтал уже несколько лет.

И не только смотрел, а поднес ее к губам и поцеловал. И в это мгновение ему почудилось, будто на него пахнул ветерок, холодный, но

пропитанный ароматами. Затем, испугавшись мыслей, которые вызвал в нем этот поцелуй, он принялся рассматривать содержимое корзины. Здесь было еще несколько предметов, наскоро завернутых в куски погребальных покровов, сорванных с тела царицы. Это были обычные украшения, знакомые всем знатокам Египта; но тут вместо двух серег была одна, тонкой работы, сделанная в виде букета цветов и граната, и чудное ожерелье было разорвано пополам, одна половина которого исчезла.

Где же все остальное? И почему это брошено здесь? Подумав, Смит ответил себе и на этот вопрос. Очевидно, ограбив могилу, вор хотел сжечь саркофаг, надеясь таким образом скрыть следы своего преступления. Но, должно быть, дым настиг его и тогда, торопясь выбраться из опасной гробницы, которая могла стать и его могилой, вор уронил корзинку и уже не решился вернуться, чтобы поднять ее. Может быть, он думал прийти за ней завтра, когда воздух очистится от дыма. Но, как видно будет из дальнейшего, «завтра» для него так и не наступило.

Звезды уже побледнели, когда Смит, наконец, выбрался на свежий воздух. Час спустя, когда солнце стояло уже высоко, явился Магомет (оправившийся от своей внезапной болезни) и с ним его феллахи.

— А я тут поработал, пока вы спали, — сказал Смит, показывая ему руку мумии (но не кольца, снятые с нее) и сломанную бронзовую статуэтку, причем, опять-таки драгоценные украшения он снял и спрятал в карман.

За последующие десять дней они полностью расчистили подход к гробнице. И при этом в песке, близ верхней ступени лестницы, которая вела к гробнице, нашли скелет мужчины с черепом, пробитым топором.

Магомет и Смит предположили, что это и был скелет вора, осквернителя гробницы. По всей вероятности, стражи захватили его при выходе и казнили без суда, а награбленное поделили между собою. А может быть, его убили его же сообщники.

Больше в могиле ничего не нашли — ни головы мумии, ни священного скарабея. Остаток своего отпуска Смит провел, фотографируя рисунки на стенах гробницы и списывая надписи, по различным причинам чрезвычайно его заинтересовавшие. Затем, благоговейно похоронив обуглившиеся кости царицы в потайном уголке пещеры, он поручил ее попечению заведующего местным отделом древностей, расплатился с Магометом и феллахами и уехал в Каир. Драгоценности он увез с собой, ничего никому о них не сказав, и захватил реликвию, еще более для него ценную, — иссохшую ручку ее величества

Глава II

Смит сидел в святилище Каирского музея — в кабинете заведующего отделом древностей. Это была очень интересная комната. Повсюду книги: на полках, в шкафах, грудями навалены на полу; и всюду предметы, ожидающие своей очереди для исследования и внесения в каталог, — предметы, вынутые из могил: горшок с серебряными монетами, найденный в Александрии и пролежавший в земле более двух тысяч лет, недавно найденная мумия царственного ребенка с надписью, нацарапанной на пеленках, и под одной из розовых завязок иссохший цветок лотоса — последний дар материнской любви.

«Зачем они вырыли этого младенца? — подумал Смит. — Оставили бы его лежать там, где он лежал».

У Смита было нежное сердце, но как раз в тот момент, когда он подумал о младенце, он уколол лежавшую в кармане руку о камень ожерелья — и вспыхнул: совесть у него также была чувствительной.

В эту минуту вошел заведующий, бодрый, живой, постоянно чем-то заинтересованный.

— А, милейший мистер Смит? Я рад вас

видеть снова, тем более, что вы, кажется, поработали не без успеха. Как вы говорите, звали ту царицу, могилу которой вы нашли? Ма-Ми? Никогда не слыхал такого имени. Если б я не знал вас как добросовестного ученого, я бы подумал, что вы не так прочли или же сами выдумали это имя. Ма-ми... По-французски это было бы красиво — *ma mie* — моя милочка. Уж, наверное, когда-нибудь кто-нибудь так и звал ее. Ну, рассказывайте, хвастайтесь.

Смит вкратце поведал ему о своей находке, показал фотографические снимки и копии с надписей.

— Интересно, очень интересно! — повторил заведующий. — Оставьте их мне на несколько деньков — надо будет присмотреться к ним поближе. Вы, разумеется, опубликуете их? Это будет стоить не дешево, так как рисунки и надписи, само собой, надо делать факсимиле, но, наверное, найдется какое-нибудь ученое общество, которое поможет вам деньгами. Взгляните на эту виньетку. Необычайно красиво. Какая жалость, что этот подлый вор сжег тело мумии и украл драгоценности.

— Он не все унес с собой.

— Как! Наш инспектор говорил мне, мистер Смит, что вы ничего такого не нашли.

— Он не знал, что я нашел. Я не показывал

ему.

— Вот вы какой скрытный! Ну, посмотрим.

Смит не спеша расстегнул жилет и из внутренних карманов начал выгружать драгоценности, завернутые в погребальные покровы. Прежде всего — золотой набалдашник скипетра в виде цветка граната с вырезанными на нем именем и титулами Ма-Ми.

— Какая прелесть! — воскликнул заведующий. — Посмотрите. Ручка была из слоновой кости, и этот мерзавец раздавил ее. Значит, кость не успела высохнуть. Очевидно, ограбление было совершено вскоре после похорон. Вот, посмотрите сами в лупу. Это все?

Смит подал ему половину дивного ожерелья.

— Я перенизал его на другую нитку, но каждое зерно на своем месте, — пояснил он.

— Боже мой! Это восхитительно! Обратите внимание на чистоту резьбы в этих головках богини Хатор, а на цветах лотоса — наэмалированные мушки. Ничего подобного у нас в музее нет.

Смит продолжал выгружать свои карманы.

— Это все? — каждый раз спрашивал его заведующий.

— Все, — наконец ответил Смит. — То есть нет. Я нашел еще сломанную статуэтку в песке, снаружи гробницы. Это — портрет царицы, и я надеялся, что вы позволите мне оставить ее у себя.

— Ну, разумеется, мистер Смит. Она по праву ваша. Мы не такие уж грабители. А все-таки вы покажите мне ее.

Еще из одного кармана Смит вытащил головку. Заведующий посмотрел на нее и с чувством проговорил:

— Я только что сказал, что вы скромны, мистер Смит, и все время восхищался вашей честностью. Но теперь я должен прибавить еще, что вы очень благоразумны. Если бы вы не взяли с меня обещания, что эта бронза останется у вас, она, конечно, не вернулась бы в ваш карман. Да и теперь, в интересах публики, не вернете ли вы мне моего обещания?

— О нет! — печально вырвалось у Смита.

— Вам, быть может, неизвестно, что это — подлинник найденного Мариеттом портрета неведомой царицы, личность которой мы таким образом можем установить?

— Я знаю. Я сам вышлю вам копию вместе с фотографиями. И обещаю, кроме того, оставить оригинал музею после моей смерти.

Директор, осторожно держа в руках головку и поднеся ее к свету, прочел надпись:

— *«Ма-Ми, великая Царица. Возлюбленная...»* Чья же возлюбленная? Сейчас, во всяком случае, Смита. Возьмите ее, сударь, и спрячьте поскорее, не то, чего доброго, к нашей

коллекции прибавится еще одна мумия — современного происхождения... И ради Бога, когда будете писать завещание, оставьте ее не Британскому музею, а нашему, Каирскому, так как это ведь египетская царица... Кстати, мне говорили, что у вас слабые легкие. Как ваше здоровье? У нас тут в эту пору года дуют холодные ветры.

— Здоровье хорошо.

— Вот это чудесно. Ну, надеюсь, больше вам нечего показать мне?

— Нечего, кроме руки мумии, найденной мной в той же корзине, что и драгоценности. Вот два кольца, снятые с нее. По всей вероятности, рука была оторвана, чтобы добраться вот до этого браслета. Я думаю, вы не будете иметь ничего против того, чтоб я оставил у себя и эту руку?

— Руку «возлюбленной Смита»? Нет, конечно, хотя я лично предпочел бы возлюбленную помоложе. Но все-таки, может быть, вы дадите мне на нее взглянуть? Вот почему у вас так оттопырился карман. А я думал — там книги.

Смит вынул футляр — в нем была рука, завернутая в бумагу.

— Хорошенькая ручка, холеная. Без сомнения, Ма-Ми была действительно наследницей престола, а фараон, супруг ее — полукровкой, сыном одной из наложниц... Оттого-то ее и называют «Царственной сестрой»... Странно, что

имя этого фараона ни разу не упоминается в надписях. Должно быть, не очень-то они ладили между собою... Вы говорите про вот эти кольца?

Он надел оба кольца на мертвые пальчики, потом снял одно, с королевской печатью, и прочел надпись на другом: «Бос-Анк. Анк-Бос».

— А ваша Ма-Ми была не чужда тщеславия. Вы знаете, Бос — бог красоты и женских украшений. Она носила это кольцо, чтобы всегда оставаться красивой, чтобы ее платья всегда были ей к лицу и чтобы румяна не расплавлялись от жары, когда она плясала перед богами. По-моему, даже жаль лишать Ма-Ми ее любимого кольца. С нас довольно и одного, с печатью.

С легким поклоном он возвратил руку Смиту, оставив на ней колечко, которое Ма-Ми носила более трех тысяч лет. По крайней мере, Смит был уверен, что на руке кольцо Боса, он даже не взглянул на него, чтобы убедиться в этом.

Затем они простились. Смит обещал зайти на другой день, но по причинам, которые мы узнаем впоследствии, не выполнил своего обещания.

«Хитрый какой! — подумал директор, когда Смит ушел. — Как торопится! Боится, как бы я не передумал. Выпросил-таки себе бронзовую головку. А ведь она стоит тысячу фунтов, по крайней мере. Но не думаю, чтобы его интересовали деньги. По-моему, он влюбился в эту

Ма-Ми и хочет иметь ее портрет. Чудаки эти англичане... А все-таки честный. Другой бы оставил у себя и драгоценности. Откуда я бы мог узнать? Ах, что за прелесть! Вот так находка! Да здравствует чудак Смит!»

Он собрал драгоценности, найденные Смитом, сложил их в несгораемый шкаф, запер его двойным замком и, так как было уже около пяти часов, уехал к себе на дачу, чтобы на досуге разглядеть фотографии копий, полученные от Смита, и, кстати, похвастаться перед друзьями редкой находкой.

Выйдя из кабинета заведующего, Смит вручил почтенному стражу бакшиш в пять пиастров, повернул направо и остановился посмотреть на рабочих, тащивших огромный саркофаг на импровизированной платформе под звуки однообразной и ритмической песни, каждая строфа которой заканчивалась призывом к Аллаху.

Смит смотрел, слушал и думал о том, что точно так же предки этих феллахов, с такими же песнями, тащили этот самый саркофаг из каменоломни к берегу Нила, и от берега Нила к гробнице, из которой его теперь извлекли. Только божество они тогда призывали другое — не Аллаха, а Амона. Восток меняет своих властителей и богов, но обычаи остаются.

Так думал Смит, быстро шагая между саркофагами и темнокожими феллахами в синих

блузах по длинной галерее, заставленной всевозможными скульптурами. На минуту он остановился перед дивной белой статуей царицы Амекартас, потом, вспомнив, что до закрытия музея времени остается немного, поспешил в хорошо знакомую ему комнату, одну из выходящих в эту галерею.

Здесь, в уголке, на полке, рядом с другими стояла и дивная головка, найденная Мариеттом, гипсовый слепок с которой так пленил его в Лондоне. Теперь он знал, чья эта головка, а в его кармане лежала рука ее обладательницы — та самая рука, что, может быть, гладила этот мрамор, указывая скульптору на недостатки, или, наоборот, восторженно прикасалась к нему. Смит спрашивал себя, кто был этот счастливец-скульптор и его ли работы была и эта бронзовая статуэтка. Ему хотелось бы узнать это наверняка.

Он остановился и, как вор, украдкой огляделся вокруг. Он был один. Здесь, в этой комнате, — ни одного студента, ни одного туриста; и сторож куда-то тоже запропастился. Он вынул ящичек с рукой мумии и снял с нее кольцо, оставленное ему в подарок заведующим. Он предпочел бы другое, с печатью, но неловко было сказать это директору, особенно после того, как тот неохотно оставил у него головку.

Он положил руку обратно в карман, а кольцо,

даже не взглянув на него, надел себе на мизинец — оно пришлось впору (Ма-Ми носила его на третьем пальце левой руки). Почему-то ему захотелось подойти к портрету Ма-Ми с ее кольцом в руке.

Головка была на обычном месте. Уже несколько недель он не видел ее, и сейчас она показалась ему еще прекраснее, чем прежде, а улыбка ее еще загадочнее. Он вынул другую, головку статуэтки, и начал их сравнивать. Несомненно, это одна и та же женщина, хотя статуэтка, может быть, была сделана года на три позже головки; ему казалось, что здесь лицо несколько старше и одухотвореннее. Быть может, недуг, а быть может, и предчувствие раннего конца омрачили прекрасное лицо царицы. Он начал измерять пропорции и так увлекся, что не слышал звонка, предупреждающего о закрытии музея. И так как он сидел в углу, за большими статуями, сторож, заглянувший в эту комнату, чтобы убедиться, что она пуста, не заметил его и ушел, торопясь домой на праздник. Ибо завтра была пятница, священный день у мусульман, и музей закрывался до субботы. Хлопнула входная дверь, щелкнул тяжелый запор — и, кроме, сторожа снаружи, никого не осталось даже вблизи музея, где сидел в своем уголке замечтавшийся и одинокий Смит.

Когда стемнело настолько, что уже не видно было линий, он взглянул на часы и сказал себе:

пора уходить.

Как странно пусто было в залах! Не слышно ни шагов, ни человеческих голосов. Часы его показывали шесть без десяти минут. Но это же невозможно — музей закрывают в пять, должно быть, его часы испортились. Надо разыскать сторожа и уточнить у него время.

Смит вышел в галерею, оглянулся направо, налево — ни души. Побежал в один зал, в другой — нигде никого. Поспешил к главному выходу. Двери оказались заперты.

«Нет, часы мои, должно быть, идут верно. Это я не слышал звонка. Но есть же тут хоть кто-нибудь? Наверное, еще открыта комната, где продают слепки и открытки».

Он пошел туда, но и там дверь была заперта. На его стук единственным откликом было эхо.

«Ну, ничего, — утешал он себя. — Заведующий, наверно, еще в своем кабинете. Ведь рассмотреть как следует все эти драгоценности и надписи — на это нужно много времени».

Он пошел искать кабинет заведующего, дважды заблудился, наконец нашел дорогу с помощью саркофага, который давеча тащили арабы, а теперь одиноко высившегося среди сгущавшихся теней. Дверь кабинета заведующего также была заперта, и на стук его откликнулось лишь эхо. Он обошел весь нижний этаж и по

большой лестнице поднялся на верхний.

Добравшись до зала, где хранились мумии фараонов, он, усталый, присел отдохнуть. Напротив него, посреди зала, в большом стеклянном ящике покоился Рамзес II. По соседству с ним, в ящике поменьше, сын его — Менепта, и повыше внук — Сетис II. И дальше — другие фараоны. Смит смотрел на Рамзеса II, на его седые кудри, пожелтевшие от бальзамирования, на поднятую левую руку и вспоминал рассказ заведующего о том, как, развернув мумию этого великого монарха, все ушли завтракать, оставив при ней только одного человека на страже; и во время завтрака человек этот вбежал в испуге с поднявшимися дыбом волосами, крича, что мертвый фараон поднял руку и указал на него.

Все бросили есть и побежали туда — действительно, рука была поднята, и им не удалось положить ее на место. Объяснили это тем, что от солнечных лучей иссохшие мышцы сократились — объяснение правильное и вполне естественное.

Смиту было неприятно, что этот рассказ вспомнился ему так некстати — тем более, что и ему казалось, будто рука шевелится в то время, когда он смотрит на нее — чуть-чуть, но все-таки шевелится. Он повернулся к Менепте; впалые глаза мумии смотрели на него пристально из-под покровов, небрежно брошенных на пергаментное,

пепельного цвета лицо. Это самое лицо грозно хмурилось, взирая на Моисея. Это самое сердце было ожесточено Богом. Еще бы ему не быть жестоким, — даже врачи решили, что Менепта умер от склероза артерий и сердечные сосуды его как известь.

Смит влез на стул, чтобы посмотреть на Сетиса II. Это лицо было не таким суровым, а очень спокойным, но на нем как будто застыло выражение укоризны. Слезая на пол, Смит опрокинул тяжелый стул. Тот упал со страшным шумом — даже странно, что от падения простого стула получилось столько шума. Насмотревшись на мертвых фараонов — теперь они показались ему какими-то иными, более реальными и жизненными, — Смит снова пошел искать живого человека.

Всюду — и справа, и слева от него — были мумии всех стилей, всех периодов, и ему, наконец, до смерти наскучило смотреть на них. Он заглянул в комнату, где хранились останки Иуйи и Туйю, отца и матери великой царицы Тайи, таких величавых и внушительных в своих царственных одеждах; бегло осмотрел ряды саркофагов царей-жрецов двадцатой династии и отвернулся от золотых масок цариц из рода Птолемеев, так неприятно блестящих в надвигающихся сумерках.

Нет, достаточно с него этих мумий. Лучше

перейти в нижний этаж. Статуи все же лучше набальзамированных покойников, хотя, по египетскому поверию, и возле статуи всегда бродит Ка. Смит спустился по широкой лестнице. Что это? Показалось ему или действительно что-то прошмыгнуло вниз? Как будто животное, и за ним быстро скользнувшая тень неопределенной формы. Может быть, это просто кошка, живущая в музее, гонится за музейной мышью. Но что же это за тень такая, странная и неприятная?

Он позвал: «Кис-кис», так как в эту минуту обрадовался бы всякому животному существу, но не получил в ответ обычного «Мяу». Может быть, это был не двойник кошки, а тень... Ах! Что за вздор ему приходит в голову! Египтяне боготворили кошек, и мумий кошек сколько угодно. Но тень... — нет, тень необъяснима.

Один раз он крикнул, чтобы привлечь внимание, но уже не повторял этого больше, ибо в ответ ему откликнулись тысячи голосов из всех углов гигантского здания музея.

Ну что поделаешь? Приходится мириться с тем, чему нельзя помочь. Очевидно, до завтра ему не выйти отсюда: вопрос в том, в какой части здания лучше провести ночь. И надо поскорее решить его, так как ночь надвигается быстро. Он подумал об уборной, где еще сегодня, перед тем как идти к заведующему, мыл руки с помощью

любезного араба-служителя, который милостиво принял от него пиастр в награду за услугу. Но, увы, дверь уборной оказалась запертой. Тогда он направился к главному выходу.

Здесь, друг против друга, стояли два больших красных саркофага — великой царицы Хатсену и ее царственного брата и супруга, Тотмеса III. Смит смотрел на них. Почему бы ему не приютиться на ночь в одном из них? Они были глубокие, удобные, и человеку в них отлично можно улечься... С минуту Смит соображал, не обидятся ли покойные монархи за такое вольное обращение с их гробами, и, подумав, решил, что безопаснее будет положиться на милость царицы.

Он уже занес ногу в гроб и пытался втиснуть свое тело под массивную крышку, поднятую на массивных деревянных блоках, как вдруг ему вспомнилось маленькое, голое, иссохшее существо с длинными волосами, которое он видел в боковой комнате гробницы Аменотепа II в Долине Царей в Фивах. Эта карикатура на человека и была мумией могущественной Хатсену, ограбленной разбойниками и лишенной своих царственных одежд.

А вдруг, когда он будет лежать в ее саркофаге и спать сном праведника, это маленькое существо заглянет под крышку и спросит, что он здесь делает. Конечно это была нелепая мысль, и она

могла прийти в голову только потому, что он устал и разнервничался. Но все же факт оставался фактом: в том самом саркофаге, куда он собирался лечь, в течение нескольких столетий покоился прах царицы Хатсену.

Он вылез из саркофага и в отчаянии посмотрел вокруг. Против главного входа находился большой центральный зал музея. Там завалилась крыша и производился ремонт, такой обширный, что, по словам заведующего, он должен был занять несколько лет. Поэтому вход в зал был загорожен, за исключением небольшой деревянной двери, в которую проходили рабочие. Там осталось всего лишь несколько статуй, слишком громоздких, чтобы вынести их, такие, как статуя Сатиса II, Аменотепа II и его царицы, Тайи. Может быть, там переночевать? Пренеприятное место для ночевки, но все же, рассудил Смит, лучше, чем проспать ночь в чужом гробу. Если, например, пролезть сквозь щели досок, которыми были обиты огромные погребальные ладьи, то в одной из них можно было бы отлично выспаться.

Приподняв занавес, Смит проскользнул в зал, где было уже почти темно. Лишь смутно виднелись узенькие окна наверху и очертания колоссальных мраморных фигур вдали. Ближе к выходу стояли две погребальные ладьи, еще раньше замеченные им. Как он и предполагал, в их дощатой обшивке

были большие щели. Он без особого труда пролез внутрь и улегся в одной из ладей.

Так как он был очень утомлен, то, должно быть, вскоре уснул. Но сколько времени проспал, этого он сказать не мог. Во всяком случае, сейчас он проснулся. В котором часу — неизвестно, так как вокруг было темно и посмотреть на часы было нельзя. Правда, в кармане у него были спички, и он мог бы даже закурить трубку. Но, к чести Смита, надо сказать, что он вспомнил, что в музее, где собрано множество ценностей, нужно остерегаться, как бы не причинить пожара, а дерево ладьи за шесть тысяч лет, разумеется, высохло так, что только коснись его искра, сгорит мгновенно. И удержался от желания чиркнуть спичкой.

Несомненно, он не спал. Никогда в жизни Смит не чувствовал себя бодрее. Нервы его были натянуты, как струны, все чувства обострились настолько, что он даже слышал запах мумий, доносившийся из верхних залов, и запах земли, — от лодки, тысячи лет пролежавшей в песке у подножия пирамиды одного из фараонов пятой династии.

Кроме того, он слышал множество странных звуков, слабых и таких отдаленных, что вначале подумал, не доносятся ли сюда уличные шумы. Но вскоре убедился, что звуки — местного происхождения. Без сомнения, это трещат цемент и

ящички — ведь дерево всегда имеет неприятную привычку трещать по ночам.

Но почему же такие обычные, естественные шумы так странно действуют? Определенно, ему кажется, что вокруг него ходят и разговаривают. Больше того — кажется, что наверху, над ним, на палубе ладьи раздаются шаги и голоса матросов, некогда составлявших ее экипаж. Вот как будто тащат что-то тяжелое по палубе, а вот — Смит готов был поклясться, что он слышит удары весел.

Он уже начал подумывать о бегстве из этого жуткого зала, когда произошло нечто, вынудившее его остаться.

Огромный зал вдруг осветился, но не лучами рассвета, как это ему показалось вначале. Свет был бледный, призрачный, однако же всюду проникавший. И с голубоватым оттенком, какого он никогда раньше не видел. Прежде всего осветились дальний угол зала, ступени и два царственных колосса, восседавших на верху лестницы.

Но кто же это там стоит между ними, распространяя вокруг себя свет? «Да это Осирис, сам Осирис, или его изображение! Бог Смерти, египетский спаситель мира».

Вот он, в покровах мумии, в венце из перьев; в руках его, продетых сквозь покровы, посох и бич, эмблемы власти. Живой он или мертвый? Этого Смит не мог сказать, так как фигура не шевелилась,

а лишь стояла, величавая и страшная, со спокойным и благодатным лицом, глядя в пустоту.

Смит заметил, что темное пространство между ним и освещенной фигурой постепенно заполняется. Голубоватый свет постепенно распространялся, выбрасывая вперед длинные языки, потом соединявшиеся, и освещая зал.

Теперь он видел ясно: перед Осирисом стояли выстроившиеся в ряд цари и царицы Египта. Словно по невидимому знаку, все они преклонились перед Осирисом, и, прежде чем стих шелест их одежд, Осирис исчез. Но на месте его уже стояла другая фигура — Исида, Мать Тайны, с глубокими глазами, загадочно глядевшими из-под усыпанного драгоценными камнями колпачка с головою коршуна. Снова преклонились перед богиней цари и царицы — и богиня исчезла. И опять на месте ее появилась третья фигура — прелестная, лучистая Хатор, богиня любви, с символом жизни в руках и сияющим диском на голове. Снова все преклонились перед нею, и снова она исчезла; но на ее месте уже никто больше не появлялся.

Фараоны и царицы теперь двигались и разговаривали; голоса их доносились до Смита таким сладостным шумом.

В своем удивлении Смит забыл всякий страх. Из тайника, никому не видимый, он внимательно

наблюдал за ними. Некоторых он знал в лицо, как, например, длинношеего Кху-энь-атена, о чем-то сердито спорившего с Рамзесом II. К изумлению своему, Смит понимал их речь, хотя и не знал языка древних египтян. Кху-энь-атен высоким тоненьким фальцетом жаловался на то, что в эту единственную ночь в году, когда им разрешено встречаться здесь, среди богов, или волшебных образов богов, представленных перед ними для поклонения, не было его бога — Атена, или солнечного диска.

— Я слышал об этом боге от жрецов, — говорил Рамзес II, — но после восшествия вашего величества на небо он просуществовал недолго. Уже в мое время трудно было найти его изображение. Ваше имя было неудачно выбрано. Потомки звали вас «еретиком» и истребляли ваши идолы. О, не обижайтесь. Многих из нас называли еретиками. Вот хотя бы моего сына, Сета II, — он указал на человека с кротким задумчивым лицом, — меня уверяли, будто втайне он поклонялся богу евреев — тех самых рабов, которых я заставлял строить свои города. Взгляните на эту даму рядом с ним. Красива, не правда ли? Какие огромные фиолетовые глаза. Говорят, это все из-за нее — она сама была еврейка.

— Я поговорю с ним. У нас, наверное, найдется кое-что общее. А теперь позвольте объяснить вашему величеству...

— Нет, пожалуйста, не теперь. Позвольте познакомить вас с моей женой.

— С вашей женой? С которой? У вас их было много, и ваше величество оставили после себя многочисленное потомство — их здесь несколько сотен.

— А вот и моя супруга, Нефертити, — позвольте вам представить ее, это была единственная моя жена.

— Да, я слышал. Ваше величество, по-видимому, были слабы здоровьем. Разумеется, при таких обстоятельствах. О, пожалуйста, не обижайтесь. — Нефертити, любовь моя. Ах, простите, Нефертити ушла побеседовать... со своими детьми. Позволь тебе представить твоей предшественнице, царице Нефертити. Она очень интересуется многоженством, объясни ей, что для женщины это вовсе не так плохо. Ну, до свидания. Мне еще надо побеседовать со своим дедом, Рамзесом I. Когда я был маленьким мальчиком, он был очень добр ко мне.

В это мгновение Смит утратил всякий интерес к столь странному разговору, так как неожиданно он увидел царицу своих грез — Ма-Ми. О, несомненно, это она, только в десять раз прекраснее, чем на портрете. Высокая и сравнительно белокожая, с мечтательными темными глазами, с загадочной улыбкой, которую

он так любил. На ней было простое белое платье и вышитый пурпуром передник, венец из золотых змей с бирюзовыми глазами; на груди и на руках ожерелья и браслеты — те самые, которые он вынул из ее гробницы. Она, по-видимому, была не в духе, или, вернее, задумчива; стояла поодаль от других, опершись на балюстраду, и без особенного интереса прислушивалась к разговорам.

Неожиданно к ней приблизился один из фараонов, сильный мужчина с толстыми губами.

— Приветствую ваше величество.

Она вздрогнула и ответила:

— Ах! Это вы? Приветствую ваше величество. — И поклонилась ему, довольно смиренно, но не без оттенка насмешки.

— Ну, вы не очень торопитесь найти меня, Ма-Ми. Принимая во внимание, как мы редко видимся...

— Я видела, что ваше величество заняты беседой с моими сестрами царицами и с другими дамами на галерее, которые, насколько мне известно, не царицы, если только вы не взяли их в жены после моей смерти...

— Надо же поздороваться с родными.

— Разумеется. Но, видите ли, у меня здесь нет родных, по крайней мере, близко мне знакомых. Мои родители, если припомните, рано умерли, оставив меня наследницей, и до сих пор гневается

на меня за то, что я, послушавшись моих советчиков, вышла за вас замуж. Какая досада. Я потеряла одно из своих колец, то, на котором было изображение бога Беса. Должно быть, оно сейчас в руках какого-нибудь жителя земли — оттого я и не могу получить его обратно.

— Гм. Почему же непременно у «жителя», а не у жительницы? Но тише: суд сейчас начнется.

— Суд? Какой суд?

— Если не ошибаюсь, суд над осквернителями могил.

— Вот как. Кому же будет польза от этого суда? Скажите мне, пожалуйста, кто это? — Ма-Ми указала на женщину, выступившую вперед, роскошно одетую и необычайно красивую.

— Это гречанка, последняя из владычиц Египта. Она из рода Птолемеев. Ее всегда можно узнать по римлянину, который ходит за ней следом.

— Который? Их там много. Так это она — та женщина, которая втоптала в грязь могущество Египта и предала его? О, если б не закон, повелевающий нам жить в мире, когда мы встречаемся...

— Вы бы разорвали ее на клочки, Ма-Ми? Да, если б не этот закон, вряд ли бы мы все встретились мирно. Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из нас отозвался хорошо о своих предшественниках и последователях.

Клеопатра подняла руки и некоторое время стояла так. Поистине она была прекрасна, и Смит, стоя на коленях и цепляясь руками за обшивку лодки, благодарил свою звезду за то, что ему, одному из смертных, дано было узреть воочию эту красавицу, изменившую судьбы мира.

Молчание воцарилось в зале, и Клеопатра начала говорить звонким и нежным голосом, проникавшим в самые дальние уголки.

— Цари и царицы Египта. Я, Клеопатра шестая, носившая это имя, и последняя царица, правившая Верхним и Нижним Египтом, прежде чем он стал страной рабов, имею сказать нечто вашим величествам, которые все в свое время с честью занимали трон, некогда бывший и моим. Я не стану говорить ни о Египте и его судьбе, ни о наших грехах — мои не меньшие из всех, погубивших его. Эти грехи все мы искупаем и слышали о них достаточно. Но в эту единственную ночь в году, на празднике того, кого мы зовем Осирисом, но кого другие народы знали и знают под иными именами, нам дано на единый час снова стать смертными и, хотя мы лишь тени, снова воскресить в себе любовь и ненависть, владевшие нами, когда мы были облечены в плоть и кровь. Здесь на единый час воскресает былое наше величие; снова нас украшают любимые наши драгоценности; мы, как прежде, надемся, как

прежде, боимся своих врагов, преклоняемся перед нашими богами, слышим нежные речи наших возлюбленных. Больше того, нам дана радость видеть себя и других такими, как мы есть, знать все, что знают боги, и потому прощать — даже тех, кого мы презирали и ненавидели в жизни. Я кончила, я, младшая из властительниц Древнего Египта, и призываю первого из наших царей сменить меня.

Она поклонилась, и слушатели поклонились ей. Затем сошла со ступеней и затерялась в толпе. Место ее занял старик, просто одетый, с длинной бородой и мудрым лицом, без венца, а лишь с простой повязкой на седых волосах, посреди которой возвышался ободок со змеиной головой — уреус, знак царского достоинства.

— Я Менес, — сказал он, — первый фараон Египта, первый, кто объединил Верхний и Нижний Египет и принял царское звание и титулы. Я правил, как умел, и теперь, в эту торжественную ночь, когда нам снова дано увидеть друг друга лицом к лицу, предлагаю вам, прежде всего секретно и во мраке, побеседовать о тайне богов и значении ее. Затем, также во тьме и секретно, обсудить тайну наших жизней: откуда они взялись и к чему пришли... И, наконец, при свете и открыто, как мы это делали, когда были людьми, обсудить все прочие наши дела. А затем — в Фивы — отпраздновать наш ежегодный праздник.

Согласны ли вы?

— Согласны! — был ответ.

Зал вдруг окутался мраком и безмолвием, тяжким и жутким. Сколько времени Смит пребывал в этом безмолвии и мраке — минуты или годы — он не мог сказать.

Наконец снова сверкнула искорка, затем снопы лучей, и зал снова осветился. Менес по-прежнему стоял на ступеньках, а перед ним толпились фараоны.

— Мистерии окончены, — молвил старый фараон. — Теперь, если кто имеет что сказать, пусть говорит открыто.

Вперед выступил молодой человек в одежде царей одной из первых династий и остановился на ступенях, между царем Менесом и всеми, царствовавшими после него. Лицо его показалось Смицу знакомым, как и локон, ниспадавший на щеку. Где он видел это лицо? Ага, вспомнил: всего несколько часов тому назад, в одном из саркофагов.

— Ваши величества! — начал юноша. — Я — царь Менетуфиз. Я хочу поставить на обсуждение вопрос об осквернении наших могил людьми, ныне живущими на земле. Смертные тела многих, собравшихся здесь ныне, выставлены в этом самом здании на потеху и посмешище любопытных. Я сам один из них, без нижней челюсти, весь изломанный и изуродованный, отвратительный. День за днем,

мой Ка вынужден созерцать зрелище своего унижения, мою оскверненную плоть, вытащенную из-под пирамиды, которую я с великим трудом воздвигнул для того часа, когда все мертвые восстанут из могил. И сколько нас, таких оскверненных, здесь и в других странах! Так мой предшественник Менкаура, построивший третью из великих Пирамид, спит, или, вернее, бодрствует в темном городе, который зовется Лондоном, далеко за морем, в городе, всегда окутанном туманом и не видящим солнца. Иные сожжены, иные рассыпались в прах. Наши украшения украдены и проданы алчным ювелирам; наши священные письма и наши символы стали игрушками. Скоро в Египте не останется ни одной неоскверненной могилы.

— Это верно, — подтвердил чей-то голос. — Всего четыре месяца тому назад была раскрыта глубокая-глубокая могила, вырытая мною для себя в тени Сифренской Пирамиды, где я покоился двумя пригоршнями белых костей — ибо в то время, как я скончался, еще не было обычая сохранять тела при помощи пеленания и благовонных трав. А теперь эти мои кости, вместе с моим двойником, сторожившим их в течение пяти тысяч лет, везут на темном дне большого корабля по морю, усеянному льдинами.

— Это верно! — подхватили сотни голосов.

Юный фараон повернулся к Менесу.

— Я обращаюсь к вашему величеству с вопросом: не можем ли мы отомстить тем, кто так жестоко обижает нас?

— Пусть имеющий мудрость скажет, — молвил старый фараон.

Человек средних лет, приземистый и с вдумчивым лицом, с жезлом в руке и головным убором из перьев, показывающим, что он наследник трона и верховный жрец Амона, взошел на ступени. Смит сразу узнал его. Это был Кхемуас, сын Рамзеса Великого, могущественнейший волшебник, который добровольно, при помощи волшебства, вознесся от земли, прежде чем настало время ему воссесть на трон.

— Я имею мудрость и хочу ответить: близится время, когда в стране Смерти, которая есть Жизнь, в стране, которую мы зовем Аменти, нам дано будет принести все наши жалобы и обиду тому, кто судит. О, тогда все мы будем отомщены. В эту ночь, когда нам дано принять свой прежний образ, мы также имеем власть отомстить, или, вернее, творить правый суд. Но времени у нас мало, а нам предстоит много сказать и сделать, прежде чем встанет бог Солнца, Ра, и мы разойдемся каждый по своим местам. А потому не лучше ли оставить грешников погрязать в грехе их до того часа, когда мы встретимся с ними лицом к лицу в

день суда?

Смит, с величайшим вниманием и понятным волнением слушавший каждое слово Кхемуаса, вздохнул свободнее, возблагодарив небо за то, что у воскресших фараонов в эту ночь так много дел. Но все-таки, в виде предосторожности, вынул из кармана футляр, в котором хранилась высохшая рука Ма-Ми, и отодвинул его от себя как можно дальше. Это было чрезвычайно неблагоприятно с его стороны. Соскользнул ли футляр на пол, или же само прикосновение к этой реликвии поставило его в психологическое соприкосновение с духами — как бы то ни было, он заметил, что взор грозного волшебника устремлен на него и что ему не скрыться от этого всепроникающего взора, как не скрыться костям в нашем теле от рентгеновских лучей.

— Однако же, — холодно продолжал Кхемуас, — я замечаю, что в этом самом зале прячется и подслушивает нас один из гнуснейших воров и осквернителей могил. Я вижу, как он прячется под одной из погребальных лодок и возле него лежит рука одной из наших цариц, похищенная им из ее гробницы в Фивах.

Все царицы взволновались (Смит видел, как Ма-Ми подняла кверху обе руки), а фараоны, указывая на него пальцами, воскликнули все грозно:

— Пусть предстанет перед судом!

Кхемуас поднял руку и, указывая на ладью, в которой спрятался Смит, молвил:

— Приблизься, негодный, и принеси с собой украденное!

Смит всегда был робок и застенчив. В детстве он не знал ничего страшнее, чем увидеть во сне, что его тащат в суд и судят за какое-то неведомое преступление. А тут его будут судить все цари и царицы древнего Египта, с Менесом в роли главного Судьи и волшебником Кхемуасом в роли прокурора. Немудрено, что он рад был бы провалиться сквозь землю. Он напряг все силы, чтобы усидеть на месте. Но увы! Неведомая сила сначала заставила его протянуть руку и поднять футляр с рукой Ма-Ми, затем вытащила из укромного убежища и погнала к ступеням, на которых стоял Менес.

Привидения расступились, чтобы пропустить его, глядя на него враждебными и изумленными глазами. Все они были очень величественными; тысячи лет, пронесшиеся над их головами, нисколько не умалили их величия. Ни в чьем взоре он не прочел участия, кроме взора маленькой принцессы, державшейся за руку матери. Когда Смит проходил мимо нее, она шепнула:

— Негодный боится. Мужайся, негодный!

Смит опомнился, и гордость пришла к нему на

помощь. Неужели же он, человек двадцатого века и джентльмен, спасует перед этими призраками древнего Египта? Повернувшись к девочке, он улыбнулся ей; затем выпрямился во весь рост и спокойно пошел дальше. Здесь кстати будет заметить, что Смит был высок ростом, сравнительно молод и очень красив собой, стройный и тонкий, с темными ласковыми глазами и небольшой бородкой.

— Какой красивый этот вор! — шепнула одна царица другой.

— Да, даже странно, что человек с таким благородным лицом находит удовольствие в осквернении могил и похищении даров умершим.

Слова эти невольно заставили Смита призадуматься. Этот вопрос никогда не представлялся ему в таком свете.

Он дошел до места, где стояла Ма-Ми рядом со своим чернобородым супругом. На левой руке Смита было золотое кольцо с изображением бога Беса, на груди ящичек с рукой мумии.

Он повернул голову, и глаза его встретились с глазами Ма-Ми. Она вздрогнула, увидев свое кольцо на его руке.

— Вы нездоровы, ваше величество? — осведомился фараон.

— Нет, ничего. Но скажите, этот житель земли вам никого не напоминает?

— Да, напоминает, он похож и даже очень сильно, на этого проклятого скульптора, из-за которого мы с вами поссорились.

— Вы говорите о придворном художнике Гору — творце изображения, похороненного вместе со мной, — о том, которого вы послали высечь вашу статую в пустыню Куш, где он умер от лихорадки или, может быть, от яда?

— Да, я говорю о Гору; пусть Сет возьмет его себе и держит крепко.

Смит прошел мимо и не слушал продолжения. Он стоял теперь перед почтенным старцем Менесом. Инстинкт подсказывал ему, что нужно поклониться фараону, — тот ответил поклоном. Затем Смит повернулся и отдал поклон всей царственной компании, и все ответили ему поклоном, холодным, но учтивым.

— Житель земли, где некогда жили и мы, и, следовательно, брат наш, — начал Менес, — вот этот божественный жрец и чародей, — он указал на Кхемуаса, — заявляет, что ты — один из тех, кто гнусно нарушает покой наших могил и оскверняет наш прах. Далее он заявляет, что и в данный момент при тебе находится частица смертного тела одной из присутствующих здесь — духом — царице. Отвечай, правда ли это?

К изумлению своему, Смит без всякого труда ответил на том же благозвучном языке:

— О царь, это правда и в то же время неправда. Выслушайте меня, владыки Египта. Правда, что я разыскивал ваши могилы, потому что меня тянуло к вам и я изучал все, что касалось вас. Теперь я понимаю почему: я уверен, что некогда был одним из вас — не царем, как вы, но, может быть, и царской крови. И еще — я ничего не утаю здесь — я искал главным образом одну могилу.

— Почему, о человек?

— Потому что меня влекло лицо — женское лицо, которое я увидел изваянным на камне.

Слушатели теперь внимательно смотрели на обвиняемого и как будто сочувствовали ему.

— И что же? Ты разыскал эту священную могилу? И, если нашел, что было в ней?

— Да, царь, я нашел ее, а в ней — вот что. — Он вынул из футляра руку мумии, из кармана — отломанную головку статуэтки и снял с руки кольцо. И еще нашел разные предметы, которые передал заведующему этим зданием, — драгоценные украшения, которые я вижу и сейчас на одной из присутствующих здесь цариц.

— Лицо этой головки — то самое лицо, которое ты искал? — спросил Менес.

— То самое.

Менес взял из его рук головку и прочел надпись.

— Если есть среди нас царица Египта,

владычествовавшая много веков спустя после меня, известная под именем Ма-Ми, пусть она приблизится, — сказал он.

Ма-Ми неслышно скользнула вперед и стала напротив Смита.

— Скажи, о царица, — попросил Менес, — известно тебе что-нибудь об этом похищении?

— Эта рука знакома мне — это была моя рука, — ответила она. — И кольцо знакомо — это было мое кольцо. Знакома и бронзовая головка — это было мое изображение. Взгляните на меня и судите сами. Его изваял скульптор Гору, сын царевича, лучший из скульпторов и художников при моем дворе. Вот он стоит перед вами, в этой странной одежде. Гору, или двойник Гору, тот самый, что вырезал мое изображение, он же и нашел его. Это он стоит здесь перед вами или, может быть, его двойник.

Фараон Менес повернулся к чародею Кхемаусу и спросил его:

— Так ли это, о Всевидящий?

— Так, — отвечал Кхемаус. — Этот житель земли в давние времена был скульптором Гору. Но что ж из этого? Теперь, когда ему дозволено было вернуться на землю снова смертным человеком, он осквернил могилу и заслужил смерть. Да исполнится же над ним приговор, дабы, прежде чем забрезжит свет, он вновь вернулся в царство

мертвых.

Менес задумался, поникнув головой. Смит ничего не сказал. Для него все это было интересным зрелищем, которого ему вовсе не хотелось прерывать. Если эти призраки хотят принять его в свою среду — пусть! К земле его ничего не привязывало, и теперь, когда он убедился, что за гробом есть иная жизнь, он был готов изведать ее тайны. Он скрестил руки на груди и ждал, что будет.

Но Ма-Ми не стала ждать. Она подняла руки так стремительно, что все ее браслеты зазвенели, и смело возразила:

— Царственный Кхемаус, великий владыка и чародей, внемли той, которая, подобно тебе, владычествовала над обоими Странами Египта задолго до твоего рождения и была лучшею правительницею, чем ты, великий царь. Отвечай. Разве ты один знаешь тайны Жизни и Смерти? Отвечай. Разве твой бог Амон учил тебя, что месть выше милосердия? Отвечай. Разве он учил тебя, что людей надо судить, не выслушав их? Что их надо насильно угнать к Осирису, раньше чем наступил их срок, и тем самым разлучать их с мертвыми, которые им дороги, или вынуждать их жить снова на этой грешной Земле?

— Помните: когда последняя луна была уже близка к полудню, мой дух сидел в гробнице

царицы. Мой дух видел, как этот человек вошел в мою гробницу. Но что же он там делал? С поникшей головой он смотрел на мои кости, которые вор, жрец Амона, ограбил и сжег двадцать лет спустя после того, как они были похоронены. Что же сделал с костями этот человек, который некогда был Гору? Он зарыл их снова, в таком месте, где надеялся, что их уже не найдут. Кто же вор и кто осквернитель? Тот ли, кто ограбил и сжег мои кости, или тот, кто благоговейно предал их земле? Он нашел драгоценности, оброненные воров во время его бегства, когда удушливый дым и запах горящей плоти и благовоний прогнал его из гробницы, и с ними руку, отломанную гнусным воров от тела моего величества. Что же он сделал с ними? Взял их с собой. Разве вы предпочли бы, чтобы он оставил их там, где они лежали, чтоб их подобрал какой-нибудь мужик? А руку? Я сама видела, как он поцеловал эту бедную мертвую руку, которую он теперь хранит как священную реликвию. Мой дух был свидетелем всего этого. Я спрашиваю тебя, царь, спрашиваю всех вас, владыки Египта, разве за такие дела человек этот должен быть предан смерти?

Кхемаус, поборник мести, пожал плечами и многозначительно усмехнулся, но остальные цари и царицы в один голос ответили:

— Нет!

Ма-Ми взглянула на Менеса, ожидая приговора. Но, прежде чем старик успел ответить, выступил вперед чернобородый фараон и обратился к прочим:

— Ее величество, Наследница Египта, Царственная Супруга, владычица Двух Стран, — выкрикнул он. — Теперь дайте сказать слово мне, который был супругом ее величества. Был ли этот человек скульптором Гору, я не знаю. Если был, то и тогда он был злодей, по моему приказу сосланный в пустыню Куш, где он и умер. Он сам признался, что проник в гробницу ее величества и украл то, что осталось от прежних воров. Ее величество говорит также — и он не отрицает этого, — что он осмелился поцеловать ее руку, а мужчина, осмелившийся поцеловать руку замужней царицы Египта, у нас карался смертью. Я требую, чтобы он был казнен и до срока вырван из жизни для того, чтобы после он снова жил на земле и снова страдал. Суди, о Менес!

Менес поднял руку и заговорил:

— Укажи мне закон, по которому живой человек мог бы быть осужден на смерть за то, что поцеловал мертвую руку. В мое время и до меня такого закона в Египте не было. Если б живой человек, не будучи супругом или родственником, поцеловал руку живой царицы Египта, может быть, он и был бы казнен. Может быть, за такой

проступок ты и казнил скульптора Гору. Но в могилах браки расторгаются, и, если б этот человек нашел ее даже живой в могиле и поцеловал не только руку ее, но и губы, за что же его казнить смертью? Ведь он это сделал из любви.

— Слушайте все: вот как я рассудил: да будет дух жреца, впервые осквернившего могилу царственной жены, предан в когти Истребителя, дабы познал он последние глубины Смерти. Но этот человек пусть выйдет от нас невредимым, ибо совершенное им сделано по неведению и потому, что им руководила Хатор, богиня любви. Любовь правит тем миром, где мы нынче встретились, как и всеми мирами, в которых мы жили или еще будем жить. Кто смеет отрицать ее могущество? Кто осмелится восстать против ее закона? — А теперь — в Фивы!

Словно множество крыльев прошумело — и все исчезли. Нет, не все, ибо Смит еще стоял на ступенях перед двумя задрапированными колоссами, а рядом с ним, дивно прекрасная, неземная, светилась призрачным светом фигура Ма-Ми.

— Я тоже должна уйти, — шепнула она, — но прежде хочу сказать два слова тебе, который был скульптором в Египте. Ты любил меня тогда и за эту любовь заплатил жизнью, ибо ты и тогда поцеловал мне руку, как сейчас поцеловал мою

мертвую руку, взятую из могилы. Я была женой фараона лишь по закону — пойми меня: только по закону, — и титул Царственной Матери в моей надгробной надписи — изваянная ложь. Гору, я никогда не была по-настоящему его женой, и, когда ты умер, скоро последовала за тобой. Ты забыл, но я — я помню. Ты думаешь, это вор сломал мою фигурку, которую положили со мной в могилу? Нет. Я сама сломала ее, потому что ты осмелился написать на ней: «возлюбленная» — не «бога Горуса», как бы следовало, но «человека Гору». И когда меня хоронили, фараон, узнавший все, вынул эту статуэтку из-под моих одежд и отшвырнул ее прочь. Помню, отливая ее, ты бросил в огонь вместе с бронзой и золотую цепь, подаренную мной тебе, говоря, что я достойна быть отлитой только из золота. И это кольцо с печатью на моей руке — тоже твоей работы. Возьми его, Гору, возьми и вместо него дай мне то, что на твоей руке, кольцо Беса. Возьми его и не снимай до самой смерти, и пусть оно ляжет с тобой в могилу, как это легло со мной.

А теперь слушай! Когда взойдет солнце и ты проснешься, ты будешь думать, что все это тебе приснилось. Но знай, о человек, которого некогда звали Гору, что такие сны — тень истины. Боги меняют свои царства и имена, люди живут, умирают и оживают, чтобы снова умереть; царства

могут пасть, и правители превратятся в забытый прах. Но истинная любовь бессмертна, как бессмертна душа, в которой она зародилась. И для нас с тобою кончится когда-нибудь ночь скорби и разлуки и восстанет ясный день славы, мира и полного соединения. А до того не ищи меня более, хотя я всегда буду близко около тебя, как и была всегда. До этого благословенного часа, Гору, прощай!

Она склонилась к нему; он вдохнул аромат ее дыхания и ее волос, свет дивных глаз проник в самую глубь его души, и он прочел в ней ответ, начертанный там...

Он простер руки, чтобы обнять ее, но она уже исчезла.

Смит проснулся, весь застывший и окоченевший, проснулся на том же месте, где уснул впервые, — то есть на каменном полу, возле погребальной ладьи, в центральном зале Каирского музея. Дрожа от холода, он выбрался из своего убежища и выглянул — зал был также пуст, как и накануне вечером. Ни тени, ни следа царя Менеса и всех этих фараонов и цариц, которых он видел во сне так ярко, так реально.

Раздумывая о странных фантазиях, которые может навеять сон, когда человек устал и у него взвинчены нервы, Смит дошел до входных дверей и стал ждать в тени, молясь в душе, чтобы, — хотя

это была пятница — магометанский праздник, — кто-нибудь заглянул в музей убедиться, все ли там благополучно.

Молитва его была услышана. Вошедший сторож, не глядя, отпер дверь — он загляделся в окно на змея, борющегося с двумя воронами. Смит мгновенно проскользнул мимо него вниз по лестнице, прячась между статуями, и так добрался до ворот.

Сторож при виде его вскрикнул от испуга, но, так как нехорошо смотреть на призраки, являющиеся там, где не могло быть человека, поспешил отвернуться. Смит воспользовался этим и поспешил выбежать через ворота и смешаться с толпой.

Приятно было погреться на солнышке после ночи, проведенной на холодном каменном полу. Дойдя до своей гостиницы, Смит объяснил, что ездил обедать в Менахоуз, возле Пирамид, опоздал на последний трамвай и вынужден был там заночевать.

Говоря это, он нечаянно ударился пальцами об острый угол футляра в кармане, заключавшего в себе реликвию Ма-Ми. Боль была так сильна, что он невольно посмотрел на пальцы и увидел кольцо на мизинце. Боже мой! Да ведь это не то кольцо, что дал ему директор. То было с надписью, посвященной богу Бесу, и с его изображением. А

это — с королевской печатью и с именем Ма-Ми. Так, значит, это был не сон?

И до сего дня Смит спрашивает себя, не перепутал ли он чего-нибудь тогда впопыхах, не взял ли из рук директора другое кольцо, или не спутал ли колец сам директор. Он даже писал директору, но тот уже обо всем забыл и помнил только, что он дал Смигу одно из двух колец, а которое — не помнит, и что кольцо с надписью: «Бес — Анк, Анк — Бес» лежит вместе с прочими драгоценностями Ма-Ми в Золотой комнате музея.

Не может он ответить себе и на другой вопрос: во многих ли бронзовых изображениях египетских цариц содержится такой высокий процент золота, как в изображении Ма-Ми, которая рассказывала ему — во сне, что к бронзе, из которой вылита была эта статуэтка, влюбленный скульптор примешал золото.

Был ли это только сон или нечто большее? — Вот о чем он спрашивает себя день и ночь.

Но ответа нет, и Смит, как все мы, вынужден терпеливо ждать того дня, когда раскроется истина. А как бы ему хотелось знать наверное, которое из двух колец дал ему заведующий!

Такой, казалось бы, пустяк, а для него это важнее всего на свете...

К изумлению своих коллег, Смит больше не ездит в Египет. Он уверен, что бронхиты его совсем

прошли и ему нет надобности ежегодно проводить некоторое время в теплом климате.